

Б. С. Житков

Клоун

Цирк сиял огнями. И огненным веером горела над крышей на черном небе красная надпись:

ЛУИЗ КАНДЕРОС

Входные двери перестали хлопать — не успевали закрываться: густой кашей валил народ к касе.

Тринадцать тигров и среди них будет женщина на коне. На афише была нарисована воздушная женщина в розовом трико верхом на белой лошади, без седла и уздечки, а вокруг мечутся и скачут рыжие тигры с оскалившимися зубами. А женщина подняла, как крылышки, ручки и беззаботно улыбается.

Публике хотелось скорее увидеть ее среди тигров одну, даже без хлыстика в руке. А под трико не спрячешь револьвера. И все волновались, уж глядя на одну только картинку на афише.

А у служащих была своя тревога: как раз сегодня днем на репетиции при всех артистах директор устроил скандал клоуну Захарьеву. Захарьев репетировал свой номер с Рыжим и

хлопнул его по щеке. Вдруг вошел на арену директор, высокий, толстый, и сразу начал кричать.

— Надоели вы со своими оплеухами. Все ваши номера один мордобой. Выдумайте, шевелите мозгами. Сегодня последний вечер с оплеухами! Слышите? А то выходит у нас не цирк, а балаган!

Директор покраснел от натуги. Фыркнул и вышел вон. Захарьев и рта открыть не успел. Все кругом молчали и, подняв брови, глядели на Захарьева. Захарьев нахмурился и ни на кого не глядя вышел вон.

А у себя в уборной Захарьев чуть не плакал. Он считал себя первым клоуном в Союзе. Столичным клоуном, лучшим выдумщиком. Ему всегда говорили, что он — талант, известность. Он был красавец, франт, и даже клоунский костюм у него был в талью, из желтого атласа, с серебряным шитьем.

Вот уж пять лет он работает в этом цирке и всегда визг, хохот, аплодисменты.

И вдруг этот новый директор позволил себе при всех... Захарьев бил с досады кулаком по колену.

Вдруг он увидел, что в дверях стоит Рыжий и смеется.

Рыжий одним прыжком сел рядом на стол.

— Горе луковое! Не злись! Сегодня мы им покажем, какая у нас будет последняя оплеуха. Дай только я на этот раз выдумаю.

— Меня оскорбляют, а я буду выдумывать? — крикнул Захарьев.

— Не ты, а я, я буду выдумывать, — перебил Рыжий. — А знаешь, в чем дело?

— Ну? — Захарьев насторожился.

— Дело в том, — сказал Рыжий, — что на твое место директор хочет поставить своего племянника Серьгу.

Захарьев побелел от злости.

— Наплюй, — сказал Рыжий. — Слушай лучше меня. Будешь слушать?

Захарьев молчал.

— Ну тогда я ухожу.

Рыжий соскочил со стола и прыгнул в двери, в коридор.

— Стой, стой! Рыженький! — крикнул вдруг жалобно Захарьев.

Рыжий вернулся.

— Так будешь слушать? Дай руку.

Захарьев протянул ладонь, и Рыжий с размаху треснул в руку так, что жарко стало. Повернулся волчком и побежал по коридору.

И вот до вечера никто не знал, что будет на спектакле у клоунов. Говорили среди артистов, что клоунского номера совсем не будет, что Захарьев

подал жалобу в союз и уходит. Другие говорили, что выступит новый клоун Серьга. Рыжего целый день не видели, а когда вечером он явился, за три минуты до начала, все его обступили с расспросами. Рыжий сказал, что сам директор наденет колпак и будет бегать по арене на четвереньках.

А публика валила и валила в цирк. Артисты в уборных одевались к своим номерам. Рыжий с Захарьевым заперлись в своей каморке. Кто-то постучал в дверь. Рыжий высунул голову. Служитель стал шептать ему на ухо:

— Директорский племянник одеваются тоже, знаете, клоуном, наряд очень богатый, и — и какой богатый!

— Ладно! — крикнул Рыжий, — кланяйся павлину и спереди и в спину, — и захлопнул дверь.

Оркестр грянул марш. Под куполом вспыхнули яркие лампы, на вороном коне, на бешеном скаку вылетел на арену наездник — представление началось.

А по коридору опять бежал служитель. Он крикнул через двери:

— Слушайте, товарищ Захарьев! Директор велел спросить, будет ваш номер или нет? Слышите? А если будет, так чтоб пять минут, потому надо время оставить: их племянник следом после вас выступают.